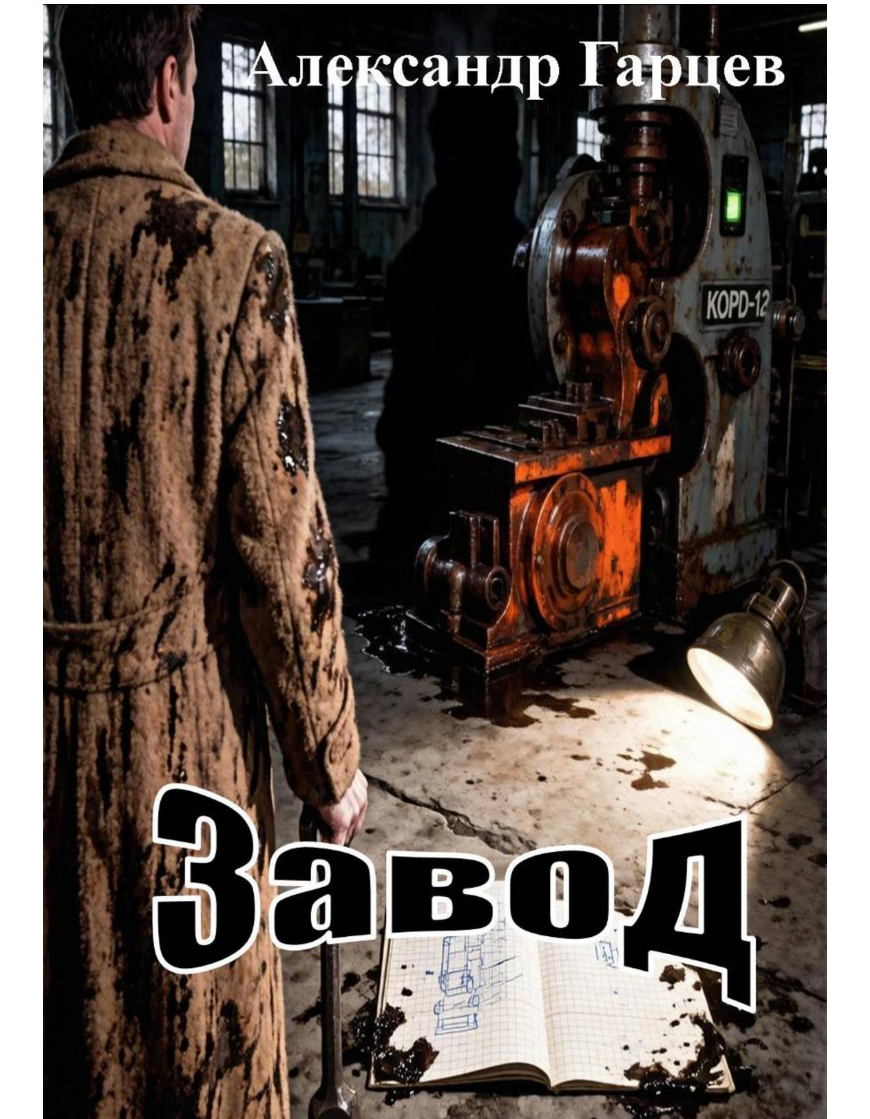

A man in a long, brown, heavily stained and worn coat stands in a dark, industrial setting, possibly a factory or workshop. He is looking towards a large, complex machine with a glowing green light on its side. The machine has a label that reads "KOPD-12". The floor is wet and reflective, and a bright light source, possibly a lamp, is visible on the right. The overall atmosphere is gritty and industrial.

Александр Гарцев

Завод

Александр Гарцев

Завод

<https://litres.ru/74669997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завод 608 — это не просто стены и станки. Это живой организм, ковчег, на котором сквозь эпохи плывут судьбы людей.

1941 год. В промерзшее поле эвакуируют московский завод. Здесь, на берегу реки, в нечеловеческих условиях рождается новый завод.

1960-е. Николай Афанасьевич Зорин — заместитель директора, мягкий интеллигент, вынужденный носить маску жесткого начальника. Он управляет сердцем сохраняя заводскую семью.

1980-е. Слесарь Витька Силантьев — гениальный самоучка, чьи рацпредложения заставляют работать то, что отказывают понимать инженеры

2010-е. Алексей Вербицкий — талантливый программист, «белая ворона» с чистыми руками.

«Завод» — это история о четырех поколениях, четырех тайнах и одном станке, который становится сердцем семьи.

Это сага о том, что сталь коуют не только в домнах, но и в человеческих душах, а настоящий инженерный гений нельзя загнать в рамки программного кода.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Гарцев

Завод

Глава 1

2010-е годы.

Цех специального конструкторского бюро завода . Утро.

Запах остывающего машинного масла и холодной бетонной пыли ударил в лицо, едва тяжелая дверь цеха закрылась за спиной. Алексей Вербицкий на секунду замер, инстинктивно задержав дыхание. Здесь не было привычного для современных офисов аромата кофе и озона от принтеров. Здесь пахло работой, усталостью и чем-то еще, не поддающимся цифровизации.

Пространство давило. Высокие, в два этажа, окна, наполовину замазанные серой краской, пропускали скупой октябрьский свет, который вяз в переплетениях ферм под потолком. В этом полумраке мертвые туши станков казались скелетами доисторических животных.

— Это наша гордость восьмидесятых, — бархатным голосом вещал за спиной Артём Борисович Лазарев. — Памятник эпохи тотального дефицита.

Лазарев, в своем безупречном, сшитом на заказ антрацитовом костюме, выглядел в этом цеху как инопланетный ди-

пломат, случайно попавший в первобытную пещеру. Он велел инвесторам остановиться у огромного, выросшего в бетонный пол чугунного основания. На ржавой, когда-то синей станине тускло желтела латунная табличка: «Координатно-расточной станок мод. Корд-12. Зав. № 402».

— По документам — памятник, — Лазарев улыбнулся инвесторам своей фирменной улыбкой, от которой не становилось теплее. — По факту — сорок тонн неликвидного лома. Мы уже подготовили площадку в сборочном. Там встанет новый «Mazak». Японцы дают рассрочку и обучение персонала. А этот... — он брезгливо, двумя пальцами, тронул кожух пульта управления, — этот мы торжественно похороним. Утиль покроет половину первого взноса.

Инвесторы — двое бледных мужчин в одинаковых серых пальто — синхронно кивнули. Им было скучно и холодно.

Алексей почувствовал, как к горлу подкатывает знакомая волна глухого, бессильного раздражения. Он терпеть не мог эти показательные экскурсии. Его наняли три недели назад как специалиста по модернизации. В должностной инструкции было черным по белому: «Аудит станочного парка с ЧПУ». Он пришел сюда писать софт, переводить старое железо на новые рельсы, а ему показывают гильотину.

— ЧПУ жив? — сухо спросил Алексей, перебивая медовые рулады технического директора.

Лазарев медленно, как сытый удав, повернул голову. В его глазах мелькнуло раздражение, но голос остался таким же

обволакивающим.

— Верочка, — обратился он к сопровождающей их девушке из отдела закупок. — Молодой человек интересуется. Подойди, ткни кнопочку.

Вероника, стуча каблуками по бетону, подбежала к пульту. Она была в белых замшевых ботинках, и Алексей вдруг с пронзительной ясностью представил, как мазут с пола навсегда въедается в их нежную бархатную поверхность.

— Вот, пожалуйста, — Лазарев широким жестом обвел станок. — Пыль веков. Электрику мы от него отрезали еще в прошлом месяце. Но ради вас, Алексей...

Он кивнул электрику Петровичу, который мрачно курил в стороне, пряча сигарету в кулак. Петрович нехотя подошел, щелкнул пакетником на стене. Под потолком с сухим треском вспыхнули две люминесцентные лампы, залив мертвенным зеленым светом лицо «Корда».

Вероника ткнула наманикюренным пальцем в зеленую резиновую кнопку «POWER».

Внутри станка что-то щелкнуло, протяжно загудел трансформатор. На сером, в царапинах мониторе пульта управления медленно, с пиксельным скрипом, проступила надпись: «DOS 6.22». Затем экран моргнул, и по нему побежали строки самодиагностики.

Алексей шагнул вперед, отодвинув плечом замершую Веронику. Он знал эти машины. Старые системы всегда капризны на старте. Нужно просто дать им время прогреться,

сбросить накопленные ошибки.

«Initializingaxes... OK», — отчитался экран.

«Homing... OK».

«Controllerready».

Лазарев удовлетворенно хмыкнул.

— Ну вот. Старик еще дышит. Как видите, господа, даже этот утиль способен подать признаки жизни. Это к вопросу о надежности советской школы. А теперь пойдёмте, я покажу вам новую итальянскую покрасочную камеру. Там, кстати, есть отличный кофе-аппарат.

Инвесторы, потеряв интерес, послушно зашагали к выходу.

— Стоять, — тихо, но так, что его слышали все, сказал Алексей.

Он не смотрел на Лазарева. Его пальцы уже летали по резиновым клавишам, вызывая меню параметров. Он не будет писать софт. Он заставит эту грудку чугуна работать здесь и сейчас. Это был вопрос принципа.

— Алексей, не стоит, — голос Лазарева за спиной стал стальным. — Электрика старая. Нагрузка на сеть.

— Я снимаю программные ограничения по осям, — бросил Вербицкий, не оборачиваясь. — Мне нужно проверить люфт.

Он загрузил тестовую утилиту. «Корд» дернулся. С протяжным, скрежещущим стоном, от которого заложило уши, чугунная колонна начала движение. Станок просыпался тя-

жело, словно ревматик, которого заставили бежать марафон.

Алексей ввел команду на калибровку датчика.

Экран вспыхнул красным.

«ERROR 404: ENCODER FAULT».

«SYSTEM HALT».

Монитор погас. Гудение трансформатора стихло. В наступившей тишине было слышно только, как где-то в дальнем углу цеха капает вода.

Лазарев подошел вплотную. От него пахло дорогим парфюмом и уверенностью.

— Я же говорил, — произнес он почти ласково, но глаза его превратились в две ледышки. — Это металлолом. А вы, Вербицкий, кажется, перепутали наш завод с компьютерным клубом. Здесь железо нужно чувствовать руками, а не командной строкой.

Инвесторы уже вышли за дверь.

Алексей стер с монитора меловую пыль рукавом своего кашемирового пальто. Рука дрожала от злости. Он нажал кнопку «POWER» еще раз.

Ничего. Полная, глухая тишина.

— Отключайте, — скомандовал Лазарев электрику.

Петрович со злорадным удовольствием снова щелкнул пакетником. Свет под потолком погас.

Алексей остался стоять в темноте перед мертвой машиной «Корда». Он проиграл этот раунд. Но красная надпись «ENCODER FAULT» — ошибка датчика — не выходила из

головы. Программа не при чем. Это была механика. И Лазарев об этом знал.

Глава 2

1941 год. Ноябрь.

Поле у леса, между деревеньками Грухи и Крутиха. Морозный, колючий рассвет.

Ветер с Москвы-реки, еще не успевший здесь замерзнуть, но уже набравший стальную остроту, резал лицо. Иван Корнеев сорвал голос еще третьего дня, но горло продолжало саднить, словно он глотал толченное стекло. Он стоял на косогоре, сунув руки глубоко в карманы драного демисезонного пальто — ватник ему обещали выдать «по факту прибытия оборудования», а пока инженер числился в списках наравне с зэками и вольнонаемными.

Под ногами чавкала черная, уже прихваченная ледяной коркой грязь. Здесь, на берегу, между Грухами и Крутихой, завтра должен стоять цех. А сегодня здесь была только смерть. Мертвые, в белых саванах инея стебли полыни, черные скелеты замерзших берез и ровная, как стол, пустошь, которую нужно было превратить в фундамент за двенадцать часов.

— Раз-два, взяли! — хрипел Иван, хотя из горла вырывался только тихий клекот. — Куда, куда тянешь, косо пошла!

На другом конце пятиметрового бревна, по щиколотку в ледяной каше, билась бригада. Двадцать пять девочек. Комсомольский набор из Бобина и Мышкина. На ногах — онучи

и лапти, которые набухли от воды и стали пудовыми. Поверх легких пальтишек — серые, негнущиеся от наледи брезентовые куртки.

— И-и, р-раз! — выдохнула старшая из них, крепкая деваха с заиндевевшими бровями. Бревно качнулось, пошло юзом и намертво село на скрытый под снегом пень.

Бригада замерла. Девушки просто перестали дышать, глядя на Ивана пустыми, черными провалами глаз. В них не было слез — слезы замерзли где-то внутри, не успевая скатиться по щекам. Была только бесконечная, животная усталость.

Иван шагнул вперед. Он хотел ударить эту деваху, старшую. Ударить наотмашь, чтобы брызнула кровь, чтобы она заорала, заплакала, но ожила. Чтобы в ней проснулась злость. Но вместо этого он упал на колени рядом с бревном.

— Лом, — просипел он.

Ему сунули в руки холодный, скользкий от наледи стальной лом. Иван поддел бревно, уперся ногами в лед. Позвоночник затрещал. Он чувствовал, как лопается кожа на ладонях, как ледяная сталь высасывает тепло из костей.

— Навались! — крикнул он, вкладывая в этот крик остатки сил. — Ну! Родина ждет! Фронт ждет!

Он ненавидел себя за эти слова. За этот газетный пафос, который здесь, в грязи, звучал как издевательство. Но других слов у него не было.

Бревно хрустнуло, поддалось. Девушки, увидев, что инже-

нер, человек с чертежами и логарифмической линейкой, сам лезет в ледяное болото, взвыли по-волчьи и рванули. Бревно вылетело из ловушки, глухо ударившись о мерзлую землю.

— Спасибо, Иван Матвеевич, — тихо сказала деваха, вытирая нос грязной варежкой.

Он не ответил. Он смотрел на часы. «Омега» на кожаном ремешке — единственная вещь, которую он не променял на пайку хлеба в эшелоне. Половина десятого. До заката шесть часов.

— Шабаш на десять минут, — скомандовал Иван. — Курить. Греться.

Девушки попадали прямо там, где стояли, на бревна, вжимаясь друг в друга, пытаясь согреться единым комком тел. От них шел пар. Иван отошел к краю площадки, где чернела свежая насыпь.

Там пахло иначе. Не сырой землей и тленом, а озоном, жженой медью и паленым войлоком.

У подножия насыпи, прямо на рельсах, плясал синий огонек автогена. Сварщик — маленький, закутанный в три тулупа татарин по имени Рашид — стоял на коленях. На его спине, как горб, топорщился кислородный баллон. Маска «конверт» скрывала лицо, виднелись только глаза, воспаленные от гари.

Первый стык.

Иван спустился к нему. Рельсы Р-50, снятые с какой-то тихой, никому не нужной ветки под Москвой, лежали на вре-

менных шпалах. Это была пуповина. Если Рашид не сварит стык до темноты, эшелон с уникальными прессами из Подольска, который уже вышел со станции, придется разгружать в поле. А разгружать его нечем — единственный кран увяз в грязи на подъезде.

— Как? — спросил Иван, присаживаясь на корточки рядом со сварщиком.

Рашид не обернулся. Он лишь чуть качнул плечом и убрал пламя. Металл перестал шипеть. В наступившей тишине стал слышен только вой ветра в телеграфных проводах и далекий, глухой стук — это километрах в трех отсюда, у Крутихи, бабы вручную забивали сваи под котельную.

Сварщик поднял маску. Лицо у него было черным от копоти, и только от глаз к ушам тянулись две светлые дорожки — следы пота, пробившего ледяную корку на коже.

— Варить можно, — сказал Рашид, и слова в морозном воздухе превратились в белые облачка. — Шов чистый. Но остывать будет долго. До ночи не тронем. Треснет.

Иван посмотрел на небо. Низкое, свинцовое, оно обещало к вечеру метель. Если рельсы остынут в темноте, на ветру, сталь станет хрупкой, как стекло. Первый же паровоз разорвет шов.

— Уголь есть? — спросил Иван.

— Два мешка.

— Тащи сюда. Обложи стык. Засыпь землей. Пусть остывает в бане. До утра.

Рашид посмотрел на инженера снизу вверх. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Он знал, что значит вручную таскать уголь и землю на морозе, когда ноги уже не гнутся.

— Сделаем, Иван Матвеевич, — кивнул сварщик.

Иван поднялся. Ноги затекли и не хотели разгибаться. Он посмотрел на запад, туда, откуда должен был прийти эшелон. Там, над горизонтом, поднимался черный, жирный дым — жгли старые деревянные постройки Мышкина, чтобы расчистить площадку.

Он сжал в кармане холодную «Омегу».

— Рашид, — позвал он. — Если треснет... я под трибунал пойду. Понял?

— Понял, — глухо ответил сварщик, снова опуская маску на лицо. — Не треснет.

Иван развернулся и пошел обратно к девичьей бригаде. Десять минут истекли. Он набрал в грудь ледяного воздуха, чтобы снова сорвать голос и заставить их ворочать бревна. До заката оставалось пять часов и пятьдесят минут. Фронт не будет ждать, пока они согреются.

Глава 3

2010-е годы. Октябрь. День.

Архивно-технический отдел завода. Пахнет пылью, старой бумагой и мастикой для пола.

Архив встретил Алексея запахом, который не менялся, кажется, с момента постройки завода. Это была густая, тяжелая смесь сухой бумажной пыли, засушенных цветов герани, стоявших на подоконнике, и сладковатого, медицинского запаха мастики. В огромном полуподвальном помещении царила торжественная тишина, нарушаемая лишь монотонным гудением люминесцентной лампы и сухим шелестом вязальных спиц.

Маргарита Степановна сидела за массивным дубовым столом, заваленным карточками учета. Она не работала. Она вязала. Длинный, ядовито-зеленый шарф уже змеился по полу, путаясь в ножках стула. Когда вошел Алексей, она даже не подняла глаз от петель, лишь кивнула на стул для посетителей.

— Садись, — проскрипела она, не вынимая спиц из клубка. — Чего тебе, милок? Уволиться пришел? Так это в кадры, на второй этаж.

— Я по поводу «Корда», — Алексей положил на край ее стола свой электронный пропуск. — Маргарита Степановна, мне нужен технический паспорт. Полная история обслужи-

вания. Все акты дефектации.

Старушка наконец подняла на него глаза. За толстыми линзами очков они казались огромными, выцветшими, но удивительно ясными. Она посмотрела на Алексея, на его чистое пальто, на нервно постукивающие по колену пальцы.

— «Корд»? — она хмыкнула, и спицы в ее руках на секунду замерли. — Железяка-то мертвая. Лазарев вчера приказ подписал. На списание. Чего там паспорттировать?

— Мне нужно понять причину системной ошибки, — терпеливо, как ребенку, объяснил Алексей. — Ошибка 404. Датчик линейного перемещения. Я должен написать отчет.

Маргарита Степановна тяжело вздохнула, отложила вязание и, кряхтя, поднялась. Ее движения были медленными, экономными, как у старой черепахи. Она подошла к металлическому шкафу цвета «молотковой эмали», достала связку ключей, похожую на связку древних амулетов, и долго, со звоном, перебирала их.

— Вот, — она положила на стол перед Алексеем пластиковую папку на завязках. — Любуйся.

Алексей нетерпеливо рванул тесемки. Внутри лежал один-единственный лист плотной, пожелтевшей по краям бумаги. «Технический формуляр изделия КОРД-12».

Он пролистал его. Дата выпуска: 1984 год. Завод-изготовитель: «Тяжстанкогидропресс». Акт ввода в эксплуатацию.

Дальше шли пустые графы. Раздел «Текущий ремонт» — девственно чист. Раздел «Капитальный ремонт» — пусто.

Раздел «Модернизация и рационализация» — ни одной записи. Раздел «Замена узлов» — пустота.

Алексей пролистал папку до конца. Там лежала только одна выцветшая ксерокопия — акт о консервации станка от две тысячи пятого года, подписанный Лазаревым.

— Здесь ошибка, — Алексей поднял глаза на старушку. — Станок выдает ошибку энкодера. Это механический износ. По документам он никогда не ломался.

— А он и не ломался, — спокойно сказала Маргарита Степановна, возвращаясь к своему вязанию. — Он болел. А от болезней справок не дают.

— Маргарита Степановна, — Алексей старался говорить ровно, хотя внутри всё похолодело. — Это невозможно. У любого механизма есть ресурс. Подшипники текут. Ремни рвутся. Шестерни стираются. Здесь должны быть десятки актов. Где журналы смен? Где записи мастеров?

Старушка перестала вязать. Она посмотрела на Алексея долгим, тяжелым взглядом, в котором читалась вековая, все-союзная тоска советского канцелярского работника.

— Эх, милоч, — вздохнула она. — Ты в своем интернете вашем привык, что всё пишется. Клик — и ты весь как на ладони. А у нас тут, на заводе, бумажка — она не для истории. Она для прокурора.

Она наклонилась к нему через стол, понизив голос до шепота: — В восемьдесят пятом, когда его принимали, у него шпиндель било. План горит, комиссия на носу. Вызвали

Ивана Ивановича, инженера. Он три дня не спал. А станок всё равно врет.

Алексей подался вперед. Это была первая живая зацепка. — И что?

— А то, — Маргарита Степановна выпрямилась и снова защелкала спицами. — Вызвали Витьку. Силантьева. Слесаря. Он пришел, посмотрел, кувалдой по колонне стукнул, проволокой шпильку перемотал... Станок заработал. Как часы.

— Это должно быть задокументировано! — почти выкрикнул Алексей. — Это же изменение конструкции! Это влияет на точность!

— Витька твой, — старушка впервые за утро позволила себе подобие улыбки, — грамоте был не учен. Он в носовом платке схемы рисовал. А Иван Иванович... он Витька уважал. Он знал: если он напишет рацпредложение по форме, его же первого в тюрьму и посадят. За то, что станок, извиняюсь, на соплях держится.

Маргарита Степановна взяла формуляр и постучала по нему сухим пальцем. — Вот смотри. Станок сдан? Сдан. План дает? Дает. Стоит? Стоит. Чего тебе еще, милый, надо? Напишешь в графе «ремонт» про проволоку — это саботаж. Это Лазареву только и нужно. Он скажет: «Устаревшее железо, неучтенное вмешательство, угроза безопасности». И пойдет «Корд» под резак.

Алексей откинулся на спинку стула. Он смотрел на пу-

стой формуляр. Это был юридический парадокс. По закону станок был идеальным. По факту — он был Франкенштейном, сшитым из заводских недоработок, кувалдочных ударов и слесарной смекалки.

История «Корда» была стерта не временем. Ее стерли люди, чтобы защитить его от системы.

— Лазарев знает? — тихо спросил Алексей. — Артём-то? — хмыкнула старушка. — Он думает, он самый умный. Он думает, если в компьютере «Корда» нет, то его и в жизни нет. А станок, он, Лешенька, не в компьютере. Он в железе.

Алексей закрыл пустую папку. Он пришел сюда за цифрами, а нашел преступление. Преступление против бюрократии, совершенное ради спасения машины.

— Спасибо, Маргарита Степановна, — сказал он, поднимаясь.

— Иди, милоч, — кивнула она, не отрываясь от вязания. — Иди. И помни: Лазарев — он как вошь. Гладкая, сытая, а всё равно кровь пьет. Ты с ним поаккуратнее. У него в глазах не цифры. У него в глазах — шредер.

Алексей вышел из тихого, пахнущего пылью архива в шумный коридор заводоуправления. В руках у него была папка с пустыми страницами, но в голове впервые за эти дни появилась четкая, ясная мысль: чтобы починить станок, ему не нужен новый софт. Ему нужно найти ту самую проволоку.

Глава 4

1960-е годы. Октябрь. Среда.

Кабинет заместителя директора по кадрам и быту.

Октябрь в том году выдался на редкость сырым и промозглым. Низкие свинцовые тучи висели над городом так плотно, что, казалось, цеплялись за заводскую трубу. С самого утра сеял мелкий, въедливый дождь, превративший заводской двор в сплошное глинистое месиво. В кабинете Николая Афанасьевича Зорина из-за этой сырости было промозгло, несмотря на то что чугунная батарея под окном едва теплилась. Старые деревянные рамы разошлись, и по ногам тянуло подвальной стужей.

Николай Афанасьевич сидел за своим массивным столом, под зеленым сукном, и медленно, с тихим стеклянным звоном перекладывал из левой стопки в правую заявления на материальную помощь. Он ненавидел эти бумаги. В каждой из них была чья-то беда, чья-то недальновидность, чей-то голодный ребенок, и на каждую нужно было наложить резолюцию, от которой зависела чужая жизнь. Мягкий свет настольной лампы с зеленым абажуром выхватывал из полумрака его лицо — усталое, с глубокими залысинами, в тонкой оправе очков.

Дверь кабинета распахнулась без стука.

На пороге возник начальник третьего цеха, человек-гора с

багровой шеей. Он буквально волок за собой, держа за шиворот, мужчину в грязной промасленной телогрейке. От мужчины разило таким густым перегаром, что запах, казалось, имел вес и медленно оседал на зеленое сукно стола.

— Вот, Николай Афанасьевич, полюбуйся, — гаркнул начальник цеха, толкая пьяного так, что тот едва не рухнул на ковер. — Мастер смены. С восьми утра в стельку. План горит, а он под верстаком спал. Я его на увольнение. По статье. Чтобы другим неповадно.

Николай Афанасьевич тяжело вздохнул, снял очки и устало потер переносицу. Пьяный мастер, мужик лет сорока с простым, одутловатым лицом, тяжело мотал головой, пытаясь сфокусировать взгляд. В его глазах плескалась не агрессия, а густая, беспросветная тоска.

— Тише, Василий Егорович, — ровным, тихим голосом произнес Зорин. — Ты мне так штукатурку с потолка стряхнешь. Иди, голубчик, погуляй в коридоре. Нам с мастером поговорить надо.

Начальник цеха побагровел еще сильнее, хотел возразить, но наткнулся на спокойный, немигающий взгляд замдиректора. Крякнув от досады, он вышел, шарахнув дверью так, что жалобно звякнул графин с водой.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только шумом дождя за окном.

— Садись, Игнат, — Николай Афанасьевич кивнул на стул для посетителей.

Мастер Игнат рухнул на стул, как подкошенный. Он смотрел в стол, боясь поднять глаза.

— Увольняй, Николай Афанасьевич, — хрипло выдавил он. — Сам знаю, что виноват. Заслужил.

— Уволить — дело нехитрое, — Николай Афанасьевич снова надел очки. Его голос оставался таким же мягким, почти домашним. — Уволить тебя — пять минут. А что твоя Тамара скажет, когда ты на порог с трудовой книжкой в зубах придешь? У вас же двойня в третий класс пошла. Им пальто зимнее нужно. А на что ты им купишь, Игнат? На пособие по безработице?

Игнат глухо, по-собачьи, завыл, уткнувшись лицом в ладони. Плечи его затряслись. Вся его напускная пьяная удаль, вся заводская бравада слетела в один миг, обнажив голое, незащитное отчаяние.

— То-то же, — вздохнул Зорин. Он выдвинул ящик стола, достал оттуда чистый носовой платок и молча протянул мастеру. — Реветь потом будешь. Сейчас работать будем.

Игнат поднял на него мутные, полные слез и ужаса глаза.

— Как... работать? — прошептал он.

— Окна у меня грязные, Игнат, — буднично сказал Николай Афанасьевич, поднимаясь из-за стола. — Осень на дворе, а света белого не видать. И тряпка там, в углу стоит. И ведро. А за стремянкой коменданта пошлешь.

Он подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул в приемную.

— Верочка, — ласково позвал он секретаршу. — Будь добра, соедини-ка меня с женой Игната. С Тамарой. Скажи, Николай Афанасьевич очень просит зайти на пять минут. Дело у нас к ней небольшое, по хозяйству.

Когда через десять минут в кабинет робко вошла Тамара — бледная, с испуганными глазами женщина, прижимающая к груди авоську с батоном и банкой сметаны, — картина была готова.

Игнат, стоя на шаткой стремянке в своей грязной телогрейке, размазывал по стеклу дождевую грязь. Руки его, привыкшие к тончайшей настройке станков, дрожали. Он был страшен в своем унижении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.